

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ МИР ВЕРХОВЬЕВ КОЛВЫ И ПЕЧОРЫ В XIX – XX вв.

Русское население верхней Колвы и Печоры проживало в разных, но близлежащих речных бассейнах, между которыми пролегали волоковые пути. Несмотря на труднодоступность этих мест, население не обособлялось, а постоянно поддерживало общение на хозяйственном, культурно-бытовом и семейно-брачном уровнях. Эта территория называлась *Верховьем*, а население было известно под именем *верховцев*. Основой для взаимоотношений и творчества населения явилась старообрядческая вера, всегда признававшаяся здесь за истинность древнего русского православия.

В отличие от других мест Приуралья верхняя Колва и Печора заселялись сравнительно поздно. В конце XVIII – первой трети XIX вв. здесь возникли деревни, которые сохранялись на протяжении последующего времени. Из верхнеколвинских деревень крестьяне переселились на Печору и положили начало всем поселениям по ее верхнему течению. Об этом подробно сообщают не только письменные данные, но и устные рассказы потомков основателей деревень. Старообрядчество проникло одновременно с заселением и основанием деревень из мест выхода населения – из центральных погостов Чердынского уезда (среднее течение Колвы), освоенных русскими на раннем этапе колонизации Перми Великой.

Первая и крупная старообрядческая обитель возникла на месте будущей деревни Петрецово, которая в народе оставалась более известной под названием Монастырская. В других местах старообрядцы жили по пустыням-скитам. На рубеже XVIII–XIX вв. при впадении в Колву реки Нюзим появился еще один крупный центр старообрядчества. Поначалу власти не мешали селиться пришедшим людям и устраивать им свою веру по старым поморским обрядам.

Становление старообрядческих центров верхней Колвы и Печоры происходило под непосредственным влиянием Великопоженского скита, долгая история которого (около 1720–1854 гг.) была тесно связана с Выго-Лексинским старообрядческим общежитием. Великая Пожня на нижней Печоре и Выгоречия в Заонежье являлись крупнейшими общерусскими центрами поморского согласия, они знали периоды подъема

и упадка. Источники донесли до потомков страшную историю самосожжения старцев Великопоженского скита в 1743 г., которые не захотели подчиниться начальству от царя и приняли мученическую кончину. Духовные связи населения Колвы с Великопоженским скитом нашли отражение в преданиях жителей древнего чердынского села Искор¹. Из документальных источников 1830-х гг. известно, что маршрут старцев Великопоженского скита в Сибирь проходил по верхней Печоре и Колве с обязательной остановкой в деревне Нюзим².

До 1820-х гг. старообрядцы находили надежное убежище и не опасались распространять свое учение не только по Колве, но и по верхней Печоре. Давление начинается с открытия прихода господствующей церкви в селе Корепино, к которому спархиальные власти отнесли всех жителей севера Чердынского уезда. Первое время старообрядцы, переданные Корепинскому приходу, терпимо относились к спархиальной власти. Идеиное влияние причта местного прихода основывалось на обязательном посещении православного храма старообрядцами, во время которого большое значение придавалось проповеди, исповеди и причастию. Однако православный приход стал терять свое значение идейного центра, как только на верхней Печоре и Колве появились старцы Великопоженского общежительства, добивавшиеся возвращения населения к старой вере. Острые конфликты вынудили земского исправника завести в 1836 г. два дела и донести их в Чердынский уездный суд – «О найденной у раскольников Чердынского уезда Искорской волости с какого-то указа копии» и «О противозаконных поступках раскольнического наставника Пыстина»³. По материалам донесений уездный суд назначил следствие, собрал немало письменных свидетельств, которые позволяют увидеть ситуацию того времени.

В Корепинском приходе насчитывалось более сотни человек из числа обращенных старообрядцев, которые, говоря языком документа, «до февраля 1836 года во всех отношениях сближались с св. Церковью». Отступление их началось со времени появления «душевного волка, совратителя православных в душегубный раскол неизвестного человека, называющегося Вологодской губернии, Усть-Сысольского уезда, села Мылома государственным крестьянином Стефаном Пыстиным, который (как докладывал земский исправник.—Г.Ч.) приходит в оный приход под именем наставника и в разных деревнях жителей сворачивает от православия в раскол, носит с собой вредную православную лицевую книгу, кою читая и объясняя слабым сердцам в делах веры, уверяет, что кто состоит при

---

¹ *Попов В.* Древнейшие города Перми Великой Искор и Покча // Сборник материалов для ознакомления с Пермскою губерниєю. Пермь, 1891. Вып. III. С.81–83.

² РГАДА. Ф.1431. Оп.1. Д.3161. Л.59 об.–60.

³ Там же. Л.1.

православной церкви, тот подвержен будет вечному мучению, а отступившие от оной наследуют вечное блаженство, посему опасность предстоит»⁴.

По списку, составленному священником Корепинского прихода, в старообрядчество вернулись 12 семей деревни Нюзим, 1 семья села Корепино, 1 семья деревни Галья, 1 семья деревни Кикус, 3 семьи деревни Усть-Унья, 1 семья деревни Усть-Пожег, 2 семьи деревни Золотуха, всего 21 семья. По документам следствия видно, что местом проживания авторитетных деятелей старообрядчества являлась деревня Нюзим. «Особо замечая, – писал православный священник, – Фому Терентьева Пашина, знающего грамоту, и Семена Елифанова Собянина»⁵. Ф.Т.Пашину было 56 лет, «грамоте учен поморской секте», в своей деревне занимался «учением по тем старым книгам крестьянских дстей»⁶. Среди тех, кто дал личные объяснения по поводу возвращения в старообрядчество, была семья братьев Мисюревых. Ефиму Феофилаktову было 46 лет, его брату Евстропе – 45 лет. Грамотным назван 25-летний Филимон Евстропиев, сын Евстропы. Ефим и Евстропа положили начало большому роду Мисюревых, расселившись в разных деревнях, но более всего в деревне Черепаново, расположенной в 30 км от деревни Нюзим по реке Колва. У нас есть предположение, что деревню Черепаново основал Евстропа, так как, по информации жителей, она первоначально называлась Евстропиной. Мисюревы, современные жители деревни, помнят, что предки их рода происходили из-под Чердыни, пришли сюда от преследования за старую веру. Недавно у нас появилась возможность документально подтвердить и дополнить эту информацию. По VIII ревизии 1834 г. в деревне Нюзим действительно проживала семья Евстропы и Ефима Мисюревых, которая переселилась на верхнюю Колву в 1821 г. из деревни Мисюрево Цыдвинской волости Чердынского уезда⁷.

У Стефана Пыстина, посланного на верхнюю Печору и Колву старцами Великопоженского скита, в деревне Нюзим были изъяты две рукописные копии указа 1831 г., по которому «от имени царя Николая Павловича разрешалось жить по старым обрядам и иметь льготы». В деле Чердынского уездного суда сохранились обе копии указа. В них текст оригинала указа интерпретирован с учетом развернувшейся борьбы старообрядцев за выживание и записан в традиции особенностей живого языка авторов и переписчиков. Поэтому обнаруженные рукописи следует рассматривать не только как памятники истории, но и как памятники местной письменной культуры.

⁴ РГАДА. Ф.1431. Оп.1. Д.3161. Л.3–3 об.

⁵ Там же. Л.11 об.

⁶ Там же.

⁷ ГАПО. Ф.111. Оп.1. Д.2365. Л.514.

Приведем текст одной рукописной копии: «Указ его императорского величества самодержца всероссийского Николая Павловича. Всемилостивейшии порученным минувшаго генваря 23 дня у правительствующаго сената называемыя старообрядцы разнаго исповедания благословения стародубския, ружския, поморския и нетовщина. То оне имеют едино исповедания святыя Троицы, а с верами разнствуют оныя поморцы, перекрещиваются во второе вместо исповеди и по священству не имеют священников. О соборных церквей некия ради новины по своему обряду исправляют. Уже они и содержат церковное служение на первых патриарших и старопечатных книгах, а нетовщина имеют себе наставника и ссылаются на книгу Маргарит, что в ней писано гдь причастник и исповедник. Указ опущен нынешняго 1831 году генваря 11 во образное. По указу его императорского величества правительствующаго сената во обще московских департаментов собрания выслушали ведение святейшаго правительствующаго синода и с прописанием предподнесения 3-го синодального прокурора тайнаго советника и кавалера князя Мещерскаго в коем изяснил, что государь всемилостивейшии Николай Павлович высочайшем повелел соизволил во всю Россию в разных губернях имеются старообрядцы в коих любо селнях в домах молены и в селах часовни и в вперед тако же им строить позволяю и быть по своему обряду и на основании церковном и могут быть при них служба и колокольни, так же и старинныя книги. И государь император Николай Павлович всемилостивейшее соизволил подтвредить святейшему синоду, департаментам, губернским правлениям и земским полициям, что бы они градоначальники и священники и священнослужители ничего до старообрядцев никакова им не чинить притеснения и обид поставит их довольных по своему служению и угождению молитвенному к богу по объявлению, сеи высочайшеи его воли государя императора Николая Павловича всемилостивейшаго предложил управляющим внутренних дел к надлежащему исполнению прежних потомков царей так же по милостивещему указу оныя старообрядцы наперед текщим царям оных старообрядцов гражданских судом и духовному чину никакова им не чинить, притеснения и обид или земским судам будут чем и стеснять, кроме надлежащих вин позволено будет доносить на них в губернскую палату на защищение. И дано будет им печатными указами всем присутственным местам и во все департаменты правительствующаго сената вообще собрание в питербургских департаментах сообщить сведения для того всем губернским правлениям и земским судам по указу его императарского величества всемилостивейшаго Николая Павловича самодержца всероссийского так быть дозволено. Посему свято и нерушимо генваря 23 дня 1831 года. На подлинном писано тако Николаи, министр

финацов, министр Волховской, министр Лованов, синодальной обер прокурор»⁸.

Местные власти понимали, какой опасной для православного прихода была деятельность старца С.Пыстина. Они организовали обширный розыск, вели допрос крестьян не только на верхней Колве, но и по всей Печоре, даже в самом Великопоженском скиту. Следователи добились ареста и тюремного заключения С.Пыстина. В 1840 г. он умер в Усть-Сысольской тюрьме.

Однако ни приостановление влияния Великопоженского скита, ни усиленный контроль местных властей не задержали распространения и упрочения старообрядчества на верхней Колве и Печоре. Удаленные места продолжали привлекать старообрядцев разных беспоповских согласий. Исправник Пермской миссии по обращению старообрядцев в православную церковь после посещения Корепинского прихода в 1880 г. писал: «Приход состоит из Корепинской и Тулпанской волостей, площадью в 200 кв. версты, в приходе только несколько деревень с православным населением у с.Корепино, а далее в 18 деревнях раскольники, их около 1850 человек»⁹.

Такую же ситуацию показал в отчете священник Тулпанской единоверческой церкви, освященной в 1896 г. В 19 деревнях и селе Тулпан он насчитал 1637 старообрядцев и только 111 православных¹⁰. По его наблюдению, здесь проживали старообрядцы «поморского согласия, федосеевцы и перекрещенцы. Четвертая часть их придерживается согласия дырников, много есть и таких, которые ни к какому согласию не принадлежат и в церковь не ходят»¹¹.

Перекрещенцами становились поморцы, которые путем повторного крещения (первое принимали при рождении) по случаю первой болезни, глубокой старости или желая отречься от мирских забот избирали другой путь спасения. Повторное крещение приравнивалось у них к таинству покаяния. Сскта перекрещенцев стала оформляться на верхней Колве в 1850-е гг. под воздействием нового, бегунского или страннического согласия, возникшего под Ярославлем. Первые страннические идеи на верхнюю Колву стали проникать из общин Осинского уезда Пермской губернии. По указу Синода 1879 г. странническое учение объявлялось вредным, поскольку суть его сводилась к тому, что в современном мире царствует антихрист, от которого «спасение следует искать в лесах и пустынях, в бегунстве и странствиях»¹².

⁸ РГАДА. Ф.1431. Оп.1. Д.3161. Л.15-15 об., 26-26 об.

⁹ Вруцевич. Раскол в Пермской губернии // Отеч. зап. 1883. № 6. С.161.

¹⁰ ГАПО. Ф.258. Оп.1. Д.7. Л.76 об.

¹¹ Там же.

¹² Вруцевич. Раскол в Пермской губернии. С.182.

Спасаться от антихриста уходили в самые глухие места, в них поселялись семьями и в одиночку.

На рубеже XIX–XX вв. в деревнях и лесах верхней Колвы и Печоры проповедническую работу вели различные начетники, о которых жители вспоминают еще в наши дни. Некоторые из них отличались духовной образованностью и активной работой по заселению новых мест, другие, наоборот, избирали отшельнический образ жизни. По данным 1914 г., по Колве и Унье (притоку Печоры) проживало 49 пустынников, из которых с семьями жили только 21 человек¹³.

Так, в 1890-е гг. на верхнюю Колву пришел с реки Пильва крестьянин Костя Сулов со своим оригинальным учением: молиться не иконам, а на восход солнца, креститься всеми пятью пальцами, крещение принимать обливанием¹⁴. В конце XIX в. в самой отдаленной колвинской деревне Дий побывал писатель и краевед Н.П.Белдыцкий. Со старообрядцем Максимом Собяниным, у которого жил, ему удалось посетить близлежащие скиты и встретиться с Костей Суловым. Свои наблюдения Н.П.Белдыцкий изложил в опубликованном очерке и его рукописном варианте, из него нам хочется процитировать часть, которая наиболее полно передает жизнь старообрядцев того времени. По пути в скиты Н.П.Белдыцкий разговорил своего проводника и у них состоялся такой диалог:

«— Давно у вас этот старец Костя появился?»

— Дивно есть времени. Я и раньше к нему ходил, потому ребка (рябчика.—Г.Ч.) здись — серо. Похожу и к дедушке приверну, он все от писания объясняет. Потом мне это место шибко приглянулось, я вот годов десять совсем сюда жить перешел и избу поставил, а потом ешшо другой хрестьянин рядом со мной поселился... А здись баско, сюда спасаться уходят.

— А много здесь спасается народу?

— Дивно. И здися и по Унье. Есть старцы, есть старицы, девки; все по избушечкам, по келейкам живут.

— И все Костиной веры?

— Которы по ней, которы нет.

— Чем же они кормятся?

— А которы леппней (охотой.—Г.Ч.) живут. Старцам да Косте мы еду приносим, сам он маленько коло избушечки репку садит, он почитай ни че и не ест, а прочим родня есть в деревнях, тоже доставляют»¹⁵.

По пути следования Максим показал место, разработанное им под пашню, и при этом рассказал: «У нас здись из-за пашни теснота. Лесники не

---

¹³ Пушвинцев И. Пустынничество // Чердынский край. Чердынь, 1928. Вып.3. С.17–20.

¹⁴ Ончуков Н. По Чердынскому уезду: Поездка на Вишеру, на Колву и на Печору // Живая старина. 1891. Вып.1. С.66–74.

¹⁵ ГАИО. Ф.680. Оп.1. Д.161. Л.5–5 об.

дают пахать. Я вот эту хотел бы вспахать, да не велят. А раньше я страже гостинцы давал и пахал, а потом они сами спасаться стали, как барин Мосницын к нам не забрался, ну, и не дают, а гостинцы все требуют. Вот место зря и лежит»¹⁶. Незаметно путешественники подошли к убогой лачуге, возле которой молодой человек чинил сеть. Здесь жил Федос с семейством. Дочь Федоса, тоже пустынноница, жила с двумя дочерьми в отдельной келье, стоящей на берегу Колвы. И наконец Н.П.Белдыцкий с Максимом достигли скита Кости Суслова и застали его за любимым занятием – перепиской книг на бересту. Берестяные книги, которые в основном состояли из выписок об антихристе, Костя раздавал жителям деревень. Этим делом он занимался более 20 лет. По просьбе Н.П.Белдыцкого, старец Костя и ему сделал выписку о крестном знамении. «Костины выдумки», так называл побывавший на верхней Колве П.Ончуков Костину веру, были довольно легко сведены на нет, как только в этих местах появились бегуны-скритники.

Во время наших встреч со старожилами в 1970-е гг. постоянно приходилось слышать названия разных вероучений, созданных местными или пришлыми старцами. На Колве в деревне Дий помнили Антонову и Наумкову веру, на Унье в деревне Усть-Бердыш – Изосимову веру, на Печоре в деревне Курья – Глебову и Софронову веру. Они основывались на учении поморцев, бегунов или же, как видели на примере Костиной веры, были придуманы какими-нибудь начетниками.

Местных жителей в бегунскую, странническую веру первыми обращали проповедники из Осинского уезда. Последователей их называли *осинскими скритниками*. У них дольше других сохранялся скит по реке Посавож (приток реки Ямжач) в 6–7 км от деревни Дий. Здесь еще в конце 1950-х гг. стояло 3–4 избушки и мельница. Обитатели воздвигали пашню, охотились, рыбачили, принимали милостыню от деревенских жителей. В 1973 г. мы познакомились в деревне Дий с А.А.Сивухиным, попавшим в этот скит с отчимом в возрасте четырех лет и прожившим в нем сорок лет. «Лесной человек», так прозвали его жители деревни Дий, среди которых он поселился после того, как старцы умерли в скиту, встретился в 1959 г. с прибывшими на верхнюю Колву сотрудниками археографической экспедиции Института русской литературы Академии наук (Пушкинский дом) и сводил их в заброшенный скит. В двух избушках они нашли 20 старопечатных книг XVII–XIX вв. и 33 рукописные книги, среди которых оказалось несколько рукописей, созданных местными переписчиками¹⁷. Старцы скита проявляли большой интерес к старообрядческой литературе, поскольку среди найденных книг оказались выписки из Жития пророка

¹⁶ ГАПО. Ф.680. Оп.1. Д.161. Л.6.

¹⁷ Бегунов Ю.К., Демин А.С., Папченко А.М. Отчет об археографической экспедиции в верховьях Печоры и Колвы в 1959 г. // ТОДРЛ. Л., 1960. Т.XVII. С.549.

Аввакума, «Щиг веры» Тимофея Андреева, «Повесть о самосожжении на Пижме» и др.¹⁸

На верхней Колве и Печоре постоянно шла полемическая борьба между старообрядцами разных согласий и толков. Поиск истины веры часто сопровождался соблюдением большого числа запретов. Как это сказывалось в повседневном быту, мы видим на примере, который запечатлел Н.П.Белдыцкий во время путешествия по Колве: «... гребцы (они были из деревни Талово.--Г.Ч.) зашли в избу, хозяева приняли их ласково и сразу стали готовить обед. Перед обедом один из гребцов вынул из мешка маленький складной образок, поставил его в передний угол, где не было никаких образов, и усердно начал креститься. Хозяева избы тоже крестились, но, к удивлению моему, они стояли спиной к переднему углу и кланялись... печке»¹⁹. В приведенном факте нетрудно заметить, что хозяева дома являлись приверженцами знакомой нам Костиной веры, а гребцы – поморской, которая не отрицала расположения икон в переднем углу избы.

Накал полемической борьбы особенно нарастал в связи с приближающимся в 1912 г. празднованием Пасхи и Благовещения в один день. Старцы убеждали, что событие это грозит вторым пришествием, концом света. Многие жители колвинских и печорских деревень отправлялись «спасаться» в пустыни, оставляли дома, хозяйство и семьями уезжали в самые глухие места. В воспоминаниях населения надолго осталось пребывание в пустынях по Уйважу – притоку Колвы, где было построено до сотни избушек. Не дождавшись второго пришествия, пустынножители через два–три года стали возвращаться по домам, но некоторые задержались здесь надолго, вплоть до коллективизации.

Несбывшееся пророчество поставило под сомнение все вероучения, которые почитало местное население. Многие наставники в поисках иных путей спасения поехали к старообрядцам разных мест России, вплоть до Соловков. Возвращались с проповедниками, привозили их книги и вели в деревнях многодневные диспуты по поводу истины веры. Длительная полемика завершилась принятием самого радикального по отношению к власти и господствующей церкви страннического учения, идейный и организационный центр которого в Прикамье находился возле села Ильинское Пермского уезда.

Как это происходило, нам рассказывали многие старожилы разных деревень, но более подробно мы узнали в 1970-е гг. в деревне Ньюзим от Галины Андроновны (1902–1990), которая волею судьбы оказалась последней предельной старшей в Чердынском бегунском братстве: «Лет

---

¹⁸ Бегунов Ю.К., Демин А.С., Папченко А.М. Отчет об археографической экспедиции...

¹⁹ ГАПО. Ф.680. Оп.1. Д.161. Л.4 об.

восьми я была с родителями в поморцах. Отец умер рано. С матерью Мастредией и сестрой Феогнидой уехали в пустынь по Унье, на приток Кисунью. В пустыни получился раскол, тот говорит, другой говорит, что у тебя вера неправильная. А Спиридон Екимович сказал, что правая вера только в Ильинском. Согласились и поехали четыре человека, побеседовали там у Рукавицына. Пригласили к себе наставников, читали книги, многие пошли по их вере. Среди них был Архип Евдокимович, по крещению Еварест. Его оставили здесь старшим. По Колве от Дия до Гадьи и по Унье открыли кельи. Меня выучила грамоте мать в пустыне, в которой прожили года три. В кельях вели службы по монастырскому уставу»²⁰.

Население Колвы и Печоры близко восприняло идеи о побеге из мира антихриста. Многие перекрестились, сменили имя, поселились в кельях и стали считать себя странниками, не живущими в миру, в котором царствует антихрист. Такие старообрядцы называли себя истинно православными христианами. Другая часть населения оставалась в миру, заботилась о странниках и давала обет в конце жизни идти в странствие. Распространение странничества нашло отражение в быту и в местной книжной и рукописной культуре. По словам старожилов, в кельях находилось большое собрание догматической, полемической и житийной литературы, часть которого мы застали в кельях, сохранившихся еще в 1970-е – 1980-е гг. Большим собранием книг владел Еварест Евдокимович. Многим жителям запомнилось, что в своих проповеднических поездках он возил их с собой на подводах. Часть книг странники взяли от поморцев, а от икон отказались.

Хотя странничество стало пользоваться наибольшим влиянием среди населения, но оно так и не смогло вытеснить другие вероучения, и прежде всего поморское. В Печорском бассейне странничество получило распространение только по Унье-реке. В ходе экспедиционной работы мы узнали немало примеров, когда полемическая борьба завершалась уходом поморцев во вновь образованные пустыни. Так, после 1912 г. по реке Патраковка, невдалеке от печорской деревни Курья, поселился Гаврил Пашин из деревни Нюзим. Впоследствии к нему приехали три старушки из колвинской деревни Гадьи. В пустыни было построено 7 домов. На втором этаже большого дома находилась молельня. По праздникам здесь собирались поморцы всех верхнепечорских деревень. Сюда же привозили детей крестить. Паграковская поморская пустынь сохранялась до середины 1930-х гг.

В уньинской деревне Усть-Бердыш в 1973 г. мы встречались с И.С.Бурмантовым (1888 г.р.), поморцем по вере, так и не покинувшим свою родную деревню. К сожалению, тогда мы не познакомились с его библиотекой, которая после смерти владельца в 1975 г. разошлась среди

²⁰ Полевые материалы, собранные автором в Чердынском районе в 1970-е гг..

единоверцев разных деревень. Приведем фрагмент из его рассказа, который вносит существенные уточнения в историю местного старообрядчества: «У нас вера древняя, из Соловецкого монастыря, наши предки из Заонежья. Мой дед жил в Усть-Унье и ездил в Соловецкий монастырь, но ему мощи Зосимы и Савватия не показали. Древнюю поморскую веру по Колве всю разрушили. А помню, что по Колве все были старой веры. Приехал Еварест и ввел новую веру, мы ее не признаем. У меня была книга о Еварестовой вере, но ее увезли в Сыктывкар. Наум в Дие тоже с нами расходился, он с Александром был в нашей вере. Но потом отошли, проповедовать стали жизнь без записей, своих хозяек сами окрестили. А у нас запись есть, всем властям повинуюемся, за власть мы молимся. У нас своя посуда, мы купленного не едим, кроме соли и муки. Сахар тоже не едим. Причастия у нас не было, только исповедовались у старичка. По нашей вере тоже все упало, но по Печоре в деревнях Курье, Покче, Скаляе кто-то еще есть. Теперь вынуждены каяться в лесу. Надо в землю падать и на колодине говорить: белый свет, лес и кустики, все птицы, простите меня и Господь Бог пусть прощает»²¹.

Признание страннического учения на верхней Колве и Печоре завершилось созданием большой общины с мужскими и женскими кельями, со своей иерархией и уставом, запрещавшим жить в пустынях. Она получила название «Чердынское братство истинно православных христиан». В начале 1930-х гг. на братство со стороны местных властей началось гонение и образованные старцы и старицы подвергались репрессиям. Евареста Евдокимовича с помощниками арестовали и посадили в тюрьму. Тюремному заключению подверглись и те старцы и старицы, которые отказывались жить с записью в документах. Быстро наступало запустение старой веры, которая хотя и не была устойчивой в выборе какого-то одного направления, но оставалась нужной людям для выживания в суровых природных условиях. К сожалению, в эти годы погибли интересные книжные собрания, иконы, рукописи.

Но запустение длилось недолго. В конце 1950-х гг. возвращается на Колву после 8,5-летнего заключения Галина Андроновна. К этому времени вышел из тюрьмы и один из помощников Евареста Евдокимовича Никоп (в иночестве Никита) Степанович. Встречу их, состоявшуюся под Нижним Тагилом, можно с полным основанием назвать исторической. Никон Степанович благословил Галину Андроновну на новое подвижничество в родных местах и выдал ей на руки письмо, которое адресовал всем людям Чердынского братства. Галина Андроновна хранила его как дорогую реликвию. Мы его много раз читали и называли, судя по значимости и назначению, уставной грамотой. Вот текст его: «Всей братии, живущей в

---

²¹ Полевые материалы, собранные автором в Троицко-Печорском районе в 1973 г.

Чердынском приделе, желаю здравия и душевного спасения. Настоящим прошу всех вас жить достойно своего христианского звания. Больше старайтесь находиться на тех местах, куда вас определяют, а не самовольничать и не стремиться к своим прежним домам и хозяйствам: этим вы можете повредить свое душевное настроение и утратите те святые качества, которые вы раньше с трудом приобрели и которые дороги для душевного спасения. Кроме того, предупреждаем всех вас, что Гал. Андроновна назначена нами как предельная старшая. Вы ее должны слушать во всех ее полезных, душевных распоряжениях. Быть у вас кому-то из передовых старцов не представляется возможным, слушайте и будьте довольны теми христианами, кто у вас есть. Живите все в страхе Божиим и имейте любовь между собою, которая покрывает множество грехов и никто без любви не может спастись. Примите это малое наставление, как будто вы слышите его из уст Божиих. С любовью к вам (неразборчивая подпись.— Г.Ч.)»²².

На Колве Галина Андроновна поселилась в деревне Нюзим. На берегу реки построила новую келью, с большим трудом собрала в нее книги, иконы. По Колве и Унье открыла еще шесть келий и пригласила в них грамотных людей. Проповедями о добре и сердечным участием скрашивала Галина Андроновна последние дни многих людей. Нам приходилось много раз бывать в ее келье, наблюдать на реке крещение, участвовать в ее поездках по дальним местам, слушать пение духовных стихов и повсюду, где бы мы ни находились, чувствовать ее любовь к людям. В ее келье находили приют и сердечную правду люди глубоко верующие и неверующие, рядовые путники и ученые. Жизнь без записей длилась тридцать лет... Достойных продолжателей духовных дел Галины Андроновны не осталось, и с уходом ее в мир иной вновь наступает запустение старообрядчества. Предвидя его, Галина Андроновна незадолго до кончины установила на своей келье небольшую доску с надписью: «Память сестрам, молившимся за весь мир». Этим самым она пожелала выразить благодарность всем подвижникам, которые жили в ее келье и отдавали силы укреплению старого благочестия в северном таежном крае.

В начале XX в. верхняя Колва и Печора являлись не только значительным центром старообрядчества Урала, но и одним из важных мест развития севернорусской народной культуры. Здесь у населения сложились специфические черты хозяйства, культуры и быта, которые позволяют считать его особой этнотерриториальной группой. Известный антрополог и путешественник А.В.Елисеев, приехавший в эти края в 1879 г., пришел к такому интересному выводу: «Подобно некоторым

²² После кончины Галины Андроновны письмо вместе с ее книжным собранием было увезено единоверцами в Кировскую область. У нас имеется его фотокопия.

уголкам Обонежья Чердынский край, верхняя Колва и Печора населены чистокровным русским населением, сохранившим не только свой славянский тип от примеси всякой инородческой крови, но даже свой говор, обычаи и многие песни и предания старины»²³. Приведем ряд примеров, раскрывающих самобытность этой земли.

Все крестьянские усадьбы располагались на крутых берегах Колвы и Печоры, и постройки, как правило, обращались фасадами к реке, поскольку во все времена реки являлись единственными путями сообщений. Здесь был выработан даже местный тип деревянной лодки – *колвинка*, которая, по отзывам очевидцев, была «немногим устойчивее вишерских “душегубок”»²⁴. Здесь типичная рядовая застройка поселений наиболее хорошо сохранилась по Колве в деревне Тиминская (18 усадеб разбросаны в три ряда), по Унье в деревне Светлый Родник (11 усадеб образуют два ряда). Господствующей стала усадьба с трехкамерным жилищем и поставленным вплотную сзади двухэтажным двором. Амбары на столбах и бани располагались по берегу реки.

У населения бытовал комплекс одежды с сарафаном, рубахи-косоворотки, понитки, шубы, кожаная обувь; был выработан комплекс охотничьей одежды. В начале XX в. распространился женский комплекс с юбкой и кофтой. Население всех деревень использовало древнейший трехподставной тип ткацкого станка *с кола* и корневые прялки-*пресницы*, близкие по своей форме северодвинским, которые в начале XX в. стали заменять точеными составными прялками *семелюхами*. Ярким подтверждением тому, что верхняя Колва и Печора являлись хранителями многих традиций русского старожильческого населения, является бытование до наших дней прекрасных орнаментированных вязаных изделий. Здесь живут талантливые мастерицы, украшающие рукавицы, чулки узорами *метляк*, *мусшик* (простой, рогатый, в ящике), *сорочья лапа*, *зубчик*, *тила* и др. В одежде до сих пор излюбленными являются яркие цвета: красный, алый, желтый, зеленый.

Много выразительного проявлялось в календарной обрядности. Аграрный обрядовый цикл, достаточно развитый у русского народа, получил слабое отражение в календарной обрядности крестьян Колвы и Печоры, так как земледелие не являлось основой хозяйства, особенно на этапе заселения новых территорий. Длительное бытование подсечного и залежно-переложного земледелия способствовало появлению интересных обрядов, которые не знало население тех мест, где преобладало развитое трехполье: предназначенный для вырубki лес очерчивали кругами и

---

²³ *Елисеев А.В.* По белу свету: Очерки и картины из путешествий по трем частям Старого Света. СПб., 1893. Т.1. С.126.

²⁴ *Белдыцкий И.* В парме. Очерки северной части Чердынского уезда. Пермь, 1901. С.65.

вырубали в установленное время на старом месяце; плодородной считали ту землю, на которой первые срубленные деревья падали на солнечную сторону; крестьян, возвратившихся с рубки леса, обмывали водой и др.

Достаточно развитым был цикл скотоводческих обрядов, имевший преимущественно антропный смысл. В опасное для животных весеннее, летнее и осеннее время выполнялись обряды, связанные с началом пастбищного периода, охраной животных во время пастбы и возвращения их в хлев. Немало верований и охранительных действий было связано с медведем и лешим (лесным духом), создававшими большую опасность для животных. В связи с этим крестьяне тщательно подбирали пастуха. В некоторых деревнях им становился колдун.

С учетом местных природных условий выработались свои сроки проведения календарных обрядов. Так, обряд первого выгона скота, приуроченный в восточнославянском календаре к Егорьеву дню (23 апреля), переносился на более позднее время, когда появлялась первая трава. По состоянию окружающей среды сдвигались даты проведения обрядов, связанных с пахотой, севом, уборкой урожая. Из-за слабого прогревания воды в реках не принято было купание домашних животных в летние праздники Петра и Павла, Флора и Лавра.

В календарной обрядности достаточно широкое отражение получила охота. Ею занимались два раза в год: осенью с Воздвижения (14 сентября) до Николы зимнего (6 декабря) и зимой со Сретения (2 февраля) до вскрытия реки. Различные обрядовые действия совершались в дни, когда артели охотников уходили в тайгу и возвращались домой. Молились святым, покровителям животных и удачной охоты, Егорию и Христофору. Ружье и одежда охотника подвергались магической обработке.

Русские крестьяне Колвы и Печоры не знали обряда колядования и в Рождество ограничивались исполнением Тропаря. Пожелания благополучия хозяевам дома выражались в обычной прозаической форме. В Святки предпочитали рядиться медведем, козой, стариками и старухами, переодевались в одежду другого пола. Называли ряженых *полудницами* и *полудниками*. Масленицу отмечали просто: взрослые катались на лошадях, а молодежь – с гор, ходили в гости. Сожжения «масленицы» не знали. Самым популярным днем поминовения умерших, в который устраивали трапезы на могилах, считался Семик.

Накануне Петрова дня принято было устраивать молодежные развлечения, в которых не возбранялось участвовать и взрослым людям. Об одном из них, увиденном в конце XIX в. в колвинской деревне Талово, сообщает, например, Н.П.Белдыцкий: «День был воскресный и молодых несколько таловцев собралось на верхний холм за деревней и устраивали на лужайке игры. Тут девушки, парни, ребяташки. Только два пожилых

мужчины лежали на земле... Среди последних выделялся кудрявый парень, лет тридцати, без шапки, босиком, в одной холщовой рубаше и таких же штанах. Он был заводчиком всех игр и девицы под его управлением все время тянули в унисон одну и ту же песню. Вот эта песня:

На три горы я взойду,
В трубы я вострублю,
Три трубы медные,
В четвертую золотую,
Чтобы ты, тягенька, услышал:
Не гуси ли это гогочут,
Не лебеди ли клычут?
Не моя ли дочи плачет
На чужой стороне,
У лихого свекра?»²⁵.

Календарных песен местное население знало мало. Причину этого видим в отсутствии развитого земледелия и приверженности населения к старообрядческой вере. Зато заговоры и заклинания помнились жителями многих деревень.

Свои обычаи складывались вокруг формирования и развития семьи. В начале XX в. у колвинских и печорских крестьян преобладали семьи из двух и трех поколений. Были и так называемые *братские* семьи, в которых проживали братья со своими семьями. Но такие семьи были неустойчивыми, они быстро превращались в двухпоколенные. Средний состав семьи доходил до 7–9 человек. При заключении браков преобладали два мотива –: улучшение экономического положения семьи путем получения новых рабочих рук и сохранение единства конфессиональной семейной среды. К тому же здесь не допускалось расширение ареала брачных контактов.

Брак заключался двумя путями – по *сговору* молодых и родителей и *умычкой*. Никаких благословений наставников не существовало. «Весь же церемониал брака, – по наблюдению очевидца 1900-х гг., – заключается в обрядах и главным образом в расплетении косы, после которого девица уже считается “*мужнею женею*”»²⁶. *Умыкание* чаще всего происходило зимой. Как только девушку приводили в дом парня, ей тотчас же расплетали косу. «Но иногда, – как пишет тот же наблюдатель, – молодые живут продолжительное время без расплетения (косы.–Г. Ч.), особенно в том случае, когда молодая хочет всячески отделаться от нелюбимого мужа»²⁷. Если молодые вступали в брак по взаимному согласию, но без родительского благословения, то они, спустя некоторое время, но чаще в годовые

---

²⁵ ГАПО. Ф.680. Оп.1. Д.161. Л.2 об.

²⁶ Чесноков А. Свадебные обряды и песни «кержаков» // Живая старина. 1911. Вып.1. С.58.

²⁷ Там же. С.58–59.

праздники, приезжали к родителям невесты *вымолить прощение*. Получив его, молодые становились мужем и женой.

Освященная в 1896 г. в селе Тулпан единоверческая церковь сначала привлекла молодых, и многие здесь венчались, детей крестили, но впоследствии мало кто ей стал пользоваться. Из-за отсутствия церковного обряда венчания браки часто были непродолжительными. В молодом поколении допускалось много повторных браков. По наблюдению А.Чеснокова, относящемуся к рубежу XIX–XX вв., «сошедшие супруги входят в нормальную, уже окрепшую супружескую жизнь в более зрелом возрасте; в молодости же бегство жен от мужей и “отсылание” жен мужьями оказывается заурядным явлением»²⁸.

Если не всегда полно совершался предсвадебный обряд и отсутствовало религиозное благословение, то сама свадьба проходила по полному циклу с необычайно разнообразным песенным жанром. А.Чесноков, долго изучавший местную свадьбу, убедился, что здесь сложился другой песенный репертуар, чем в центральных местах Чердынского уезда. В материалах В.Попова, собранных в 1870-е гг. в селах Покча, Вильгорт, Нырб, не оказалось песен, которые знало население верхней Колвы и Печоры²⁹.

Таким образом, всестороннее изучение старообрядцев верхней Колвы и Печоры дает возможность не только увидеть специфику мировоззренческих взглядов и сочетание различных хозяйственно-культурных проявлений, но и оценить русские этнические традиции в народной культуре, впитавшие специфику региональных условий жизни.

²⁸ Чесноков А. Свадебные обряды... С.59.

²⁹ Там же. С.67; Попов В. Народные песни, собранные в Чердынском у. Пермской губ. М., 1880.